Тест Тьюринга, или солёный кофе в постели

Валя Моцарт

18+

Валя Моцарт

Тест Тьюринга, или солёный кофе в постели

«Автор»
2026

Моцарт В.

Тест Тьюринга, или солёный кофе в постели / В. Моцарт — «Автор», 2026

Максим Леонов - остроумный креативный директор и мастер флирта. Он уверен, что за три секунды отличит живую страсть от подделки, и презирает всё искусственное.Но однажды вечером он знакомится с Лизой - ослепительной простушкой, которая с восторгом ловит каждый его крючок. Идеальное свидание, джаз, поцелуй на кухне пока она голыми руками не снимает с плиты раскалённую чугунную сковороду и не сбрасывает маску.Лиза - секретный андроид последнего поколения, сбежавший в город изучать людей. Максим решает её не сдавать и берётся научить «машину» настоящей жизни - со страстью, хаосом и бессонными ночами. Вот только вскоре Лиза замечает пугающие странности уже в нём: Максим не пьянеет, не помнит деталей детства и, не поморщившись, ...Что же делает Максим ещё - узнаете в самой книге.

© Моцарт В., 2026
© Автор, 2026

Валя Моцарт
Тест Тьюринга, или солёный кофе в постели

Тест на человечность

Вторник начался с того, что бездушный алгоритм в третий раз подряд усомнился в моём существовании.

Я сидел в переговорной за пять минут до презентации, смотрел в экран ноутбука и чувствовал, как во мне закипает праведная, абсолютно биологическая ярость.

«Выберите все изображения, где есть светофоры».

Я выбрал. С ювелирной точностью. Даже тот несчастный уголок жёлтого фонаря, который торчал из-за ветки в верхнем левом квадрате и явно был пририсован туда каким-то утончённым садистом из Кремниевой долины. Нажал «Подтвердить». Колёсико загрузки задумчиво крутанулось, подумало о вечном и выкатило мне новую головоломку - на этот раз с пешеходными переходами.

- Серьёзно? - пробормотал я вслух, откидываясь на спинку кресла. - Я тридцать два года дышу кислородом, плачу налоги, безотказно очаровываю женщин за три минуты и пью двойной эспрессо натощак, а ты, сраный кусок кода, хочешь, чтобы я доказал тебе, что я не бот?

- Макс, клиенты уже на ресепшене, - в переговорную заглянул Костя, мой арт-директор и единственный человек в агентстве, который не вздрагивал, когда я спорил с браузером. - Ты презентацию выгрузил?

- Меня не пускает корпоративное облако. Оно считает меня тупым интеллектом, неспособным разгадать капчу.

- Может, потому что ты кликаешь по квадратикам с интервалом ровно ноль целых две десятых секунды, как заведённый? - Костя зашёл внутрь, пахнущий свежим круассаном и лёгким недосыпом, наклонился над моим плечом и лениво ткнул пальцем в три размытые зебры. Галочка «Я не робот» тут же послушно позеленела. - Вот. Не благодари. Ты сам-то как? После вчерашнего виски у меня ощущение, будто мне в виски вкручивают саморезы, а ты выглядишь так, словно только что вернулся из швейцарского санатория.

- Генетика, Кость, - я небрежно поправил манжет рубашки, наслаждаясь его страдальческим лицом. - Правильная порода. Я последний раз болел лет пять назад, и то, кажется, просто чтобы не ехать к дальней родственнице на юбилей.

- Ненавижу тебя, - беззлобно вздохнул Костя, забирая со стола планшет. - Кстати, как там балерина с субботней вечеринки?

- Не балерина, а искусствовед. И не с субботней, а с пятничной.

- Неужели уже всё?

- Обижаешь, - я усмехнулся, захлопывая ноутбук. - У нас был потрясающий вечер, отличный завтрак и взаимное понимание, что продолжение только испортит послевкусие. Знаешь, в чём секрет настоящего флирта?

- О господи, только не начинай снова свою лекцию...

- Никогда не дави, - перебил я его, вставая и поправляя пиджак. - Большинство мужчин на свидании ведут себя как менеджеры по холодным продажам: расхваливают себя, пока у женщины не начнёт дёргаться глаз. А нужно всего-то три вещи: лёгкая самоирония, чуть-чуть интриги и умение вовремя сделать паузу. Зацепил внимание, оставил лёгкую загадку - и она

сама сделает шаг навстречу. Флирт - это джаз, Костя. Живые нервы, импровизация и никакой заученной шпаргалки.

- Ага, - пробурчал Костя, открывая дверь. - Постарайся только не импровизировать сегодня с заказчиком, ладно? У них годовой бюджет. В прошлый четверг ты уже довёл директора по маркетингу умных матрасов до нервного тика.

- Я всего лишь сказал ему, что, если его матрас будет отслеживать пульс ночью и присылать утром графики на почту, мужчины начнут спать на коврике в прихожей.

- И они ушли к конкурентам.

- Зато с ценным жизненным уроком.

Через десять минут я уже стоял у большого экрана перед четырьмя представителями крупного парфюмерного бренда. Они сидели в ряд так ровно, словно их привезли сюда в одной коробке с пенопластом: идеальные костюмы, дорогие часы и лица людей, которые искренне, без тени иронии употребляют слово «синергия».

Они принесли нам готовую концепцию рекламного ролика, полностью сгенерированную нейросетью. Картинка была безупречной - и от этого невыносимо скучной, как каталог дорогой плитки. На экране женщина с симметричным до тошноты лицом шла по пустому закатному пляжу, ветер математически точно шевелил три пряди её волос, а бархатный голос за кадром вещал про «формулу идеального притяжения».

Я дождался, пока погаснет последний кадр, выдержал паузу ровно в три секунды - ровно столько, чтобы в комнате повисла лёгкая тревога - и щёлкнул пультом, выключая проектор.

- Красиво, - сказал я мягко, почти ласково. - Очень. Если ваша целевая аудитория - умные холодильники.

Главный маркетолог, женщина с причёской, способной выдержать прямое попадание урагана, медленно подняла бровь:

- Простите?

- Посмотрите на неё, - я кивнул на тёмный экран и сделал два неспешных шага вдоль стола. - Идеальная кожа, идеальный шаг, идеальный наклон головы. Ни одной живой морщинки, ни одного сбившегося вдоха. Она движется так, будто внутри у неё вместо желания - техническое задание. Скажите честно: вы сами когда-нибудь влюблялись в техническое задание?

Молодой бренд-менеджер справа неловко хмыкнул и тут же уткнулся в блокнот.

- Люди не покупают духи ради «гармонии нот», - продолжил я, снижая голос до того самого доверительного тембра, который одинаково безотказно работал и на советах директоров, и за барной стойкой после полуночи. - Они покупают их, чтобы кто-то уткнулся носом им в шею в два часа ночи на заднем сиденье такси, потерял дар речи и забыл, куда вообще ехал. Притяжение - это не симметрия. Это ошибка, импровизация. Это когда рука чуть дрожит, пуговица не расстёгивается с первого раза, и ты смеёшься прямо в губы другому человеку.

Я обвёл взглядом стол, поймал на себе уже заинтересованный взгляд женщины с причёской-шлемом и добил:

- Машина умеет копировать форму. Она нарисует красивое лицо, напишет стихи, подберёт идеальный плейлист. Но она не умеет главного - ошибаться, сходить с ума и хотеть кого-то вопреки здравому смыслу. В искусственном нет трения, нет риска, нет запаха тёплой кожи. А живой человек, к счастью, за километр чует подделку.

Костя за столом тихо кашлянул в кулак, скрывая ухмылку. Речь действительно вышла блестящей. Я сам на секунду проникся собственной правотой - так легко и естественно звучало всё, что я говорил.

Через час клиенты уже подписывали бриф на пересъёмку ролика с живой актрисой, сбивчивым дыханием и камерой с рук.

- Ты неисправим, - сказал Костя в семь вечера, когда мы вышли из бизнес-центра в прохладные осенние сумерки. - Продать им пересъёмку в два раза дороже их бюджета, просто прочитав монолог про романтику в такси - это талант. За такое надо выпить. Поехали на закрытое открытие в «Арт-Док».

- Если там снова будут диджеи с лицом страдающего Достоевского и канапе размером с пуговицу от пиджака, я уеду через двадцать минут.

- Там сегодня тусовка нового техно-фонда и галеристов, - Костя уже вызывал машину в приложении. - Шампанское рекой, куча красивых женщин, которые устали от айтишников, и отличный повод проверить, не заржавел ли твой джаз.

- Мой джаз, дружище, не ржавеет.

К восьми часам мы уже стояли в огромном кирпичном лофте с панорамными окнами на ночной город. Канапе, как я и предполагал, были размером с пуговицу, но брют оказался неожиданно приличным, а публика - ровно такой, какую я любил препарировать взглядом.

Вокруг гудела столичная ярмарка тщеславия. Стартаперы в кашемировых худи за полторы тысячи евро делали вид, что не смотрят на женщин; женщины в вечерних платьях делали вид, что пришли исключительно ради инсталляции из старых телевизоров. Кто-то рядом с нами громко рассуждал о «новой искренности», одновременно проверяя своё отражение в тёмном стекле окна.

- Вон та, в изумрудном, смотрит на тебя уже минуту, - шепнул Костя, кивая в сторону бара. - Идёшь?

Я скользнул взглядом по девушке в изумрудном. Красивая, ухоженная, с профессионально отработанным прищуром охотницы, которая заранее знает, сколько стоит мой пиджак.

- Скучно, - сказал я, делая глоток шампанского. - Там весь сценарий расписан на три хода вперёд: ироничный комплимент, жалоба на скучную вечеринку, обмен контактами. Никакой интриги.

- Тебе не угодишь. Тогда сам выбирай...

Костя не договорил - или я просто перестал его слышать, потому что мой взгляд упал на дальнюю стену зала.

У той самой инсталляции из старых телевизоров стояла девушка.

В ней не было ни грамма той суетливой, кричащей эффектности, которой фонила половина гостей. Чёрное платье простого кроя с открытыми ключицами, тонкая линия шеи, длинные тёмные волосы, собранные чуть небрежно - словно она заколола их в лифте за три секунды до выхода. Она держала в руке высокий бокал с водой, не оглядывалась по сторонам в поисках восхищённых взглядов и не пряталась в экран телефона.

Она с совершенно простодушным, открытым любопытством наблюдала за пузатым мужчиной в клетчатом пиджаке, который пытался одновременно жестикулировать, говорить по телефону и ловить зубочисткой ускользающую оливку.

В ней сочетались две совершенно невозможные вещи: породистая, почти скульптурная красота и абсолютно искреннее, чуть наивное выражение лица - как будто она случайно перепутала двери, попала на закрытую выставку и теперь всерьёз пытается понять, зачем люди платят деньги за груду неработающих телевизоров.

- Всё, Кость, - сказал я, ставя пустой бокал на поднос проходящего официанта. - Засекай время.

- Ого, - Костя проследил за моим взглядом и одобрительно присвистнул. - Вот это экземпляр. Посмотрим, сработает ли твоя магия на тех, кто явно не читает глянец.

Я поправил лацканы пиджака, поймал свой привычный внутренний кураж и неспешно пошёл через зал. Главное правило любого хорошего знакомства - не начинать с банального «ты здесь одна?». Нужно сразу втянуть собеседницу в общую маленькую тайну.

- Ставлю тысячу, что оливка победит, - тихо сказал я, останавливаясь в полушаге от неё и глядя в ту же сторону, куда смотрела она.

Девушка вздрогнула - едва заметно, но ровно настолько, чтобы у меня внутри самодовольно щёлкнуло: контакт есть. Она повернула ко мне голову, широко распахнув светлые, почти прозрачные серые глаза.

- Ой, - сказала она с очаровательной растерянностью. - Вы меня напугали. А почему она должна победить? Она же просто оливка.

Я едва сдержал улыбку. Прелесть какая. То ли правда наивная, то ли из тех милых девушек, которые теряются в светской болтовне и всё воспринимают буквально.

- Потому что у неё нет телефона, сложной социальной жизни и пиджака в клетку, - пояснил я с самым серьёзным видом. - Она целиком сосредоточена на побеге. Смотри - сейчас он сделает шаг назад, и...

Мужчина в клетчатом пиджаке действительно качнулся, зубочистка дёрнулась, и оливка по красивой дуге шлёпнулась прямо ему на носок замшевого лофера. Он замер, растерянно посмотрел вниз и сделал вид, что так и было задумано.

Девушка тихо ахнула и прикрыла рот ладонью.

- Надо же! Вы прямо как экстрасенс! - восхищённо сказала она, глядя на меня снизу вверх с таким искренним изумлением, что я почувствовал себя минимум Шерлоком Холмсом. - Как вы это угадали?

- Годы тренировок, - скромно отозвался я, разворачиваясь к ней корпусом. - И немножко наблюдательности. Хотя, признаюсь, рядом с тобой прогнозировать что-либо становится заметно сложнее. Максим.

- Лиза, - она протянула мне руку, чуть застенчиво улыбаясь. - Ой, простите, я, наверное, слишком крепко жму? Мне вечно говорят, что я не рассчитываю силу...

В момент, когда наши ладони соприкоснулись, по пальцам пробежал короткий, резкий разряд статики - такой ощутимый, что я невольно моргнул. Кожа у неё была удивительно тёплой, почти горячей.

- Ого, - усмехнулся я, не спеша отпускать её ладонь. - Знаешь, Лиза, обычно между людьми искра пробегает ближе к третьему бокалу вина, а ты решила сэкономить нам обоим время.

Лиза смущённо моргнула, словно не сразу поняла шутку, а потом её щёки - клянусь, прямо у меня на глазах - тронул лёгкий, идеально ровный румянец.

- Ой, это, наверное, синтетика на ковре! - выпалила она, аккуратно забирая руку. - Я всегда бьюсь током осенью. А вы здесь по работе? Вы выглядите как очень важный человек. Наверное, художник или владелец галереи?

Я мысленно поаплодировал себе. Крючок сработал идеально: она очарована, слегка смущена и сама подаёт мне мяч под удар. Можно было спокойно включать второй уровень - лёгкую самоиронию, чтобы не показаться самодовольным снобом.

- Бери выше, - сказал я, опираясь плечом о кирпичную стену и чуть наклоняясь к ней, чтобы перекричать глухой бас из колонок. От неё пахло удивительно чисто - не тяжёлым парфюмом, а чем-то свежим, так пахнет мокрый асфальт после грозы и тонкая нотка миндаля. - Я креативный директор. Это значит, что мне платят большие деньги за то, что я с умным видом говорю людям очевидные вещи, пока они не начинают думать, что сами это придумали.

- Вау, - протянула Лиза, склонив голову набок. - Как сложно... То есть вы придумываете рекламу? А вы не устаёте всё время притворяться умным?

Я хмыкнул. Вопрос прозвучал так невинно, с такими распахнутыми глазами, что я даже на секунду засомневался: она сейчас случайно меня подколола или правда интересуется?

- Ну, я не совсем притворяюсь, - парировал я с ленцой. - Просто умею красиво упаковывать правду. Вот, например, сегодня я час объяснял четырём очень серьёзным людям, почему искусственный интеллект никогда не сможет заменить живую женщину.

Лиза моргнула. На какую-то неуловимую долю секунды её взгляд перестал быть растерянным - в серых глазах мелькнуло что-то острое, цепкое, почти насмешливое. Но прежде чем я успел это осмыслить, она снова очаровательно нахмурила бровки, как студентка перед сложным билетом.

- Ой, а почему не сможет? - спросила она доверчиво. - Говорят, нейросети сейчас такие умные! Они даже стихи пишут... Я недавно читала статью, что скоро роботы будут вообще как люди. Страшно, правда?

- Ерунда, - отмахнулся я, чувствуя, как приятно греет её неподдельное внимание. - Это всё пугалки для тех, кто мало общается с реальными людьми. Понимаешь, Лиза, в чём фокус? Машина всегда стремится к идеалу. А идеальное - оно мёртвое. В нём нет азарта. Нет вот этого... - я мягко обвёл пальцем воздух между нами, сокращая дистанцию ещё на полшага. - Нет непредсказуемости. Когда смотришь на девушку и понятия не имеешь, что она выкинет через минуту.

- Ой, правда? - Лиза закусила нижнюю губу, делая вид, что глубоко задумалась над моей гениальной мыслью. - А вы, значит, разбираетесь в девушках? Прямо сразу видите, кто настоящий, а кто притворяется?

- За три секунды, - уверенно заявил я. - Профессиональная деформация. Вот ты, например...

- Ой, скажите, какая я! - оживилась она, чуть подаваясь вперёд. Вырез её чёрного платья на мгновение заставил меня забыть начало собственной фразы, но я быстро взял себя в руки. - Я обожаю, когда меня угадывают!

Я выдержал фирменную паузу, внимательно скользя взглядом по её лицу - от тонких бровей к чуть приоткрытым губам. Это был мой коронный приём: «холодное чтение» с лёгким налётом комплиментарной психологии. Работало в девяти случаях из десяти.

- Ты попала сюда почти случайно, - начал я негромко, чуть понижая голос. - Тебя позвала подруга или коллега, но тебе здесь скучно. Ты не любишь пафос, пьёшь воду вместо халявного шампанского, потому что хочешь сохранить ясную голову, и вообще производишь впечатление тихой, домашней девочки... хотя на самом деле внутри у тебя наверняка спрятан очень приличный чертёнок, который просто ждёт правильного повода вылезти наружу.

Я замолчал, ожидая привычной реакции: смущённого смешка и фразы «откуда вы знаете?».

Лиза смотрела на меня секунду. Две. Потом её губы медленно растянулись в восторженной, совершенно обезоруживающей улыбке.

- Боже мой, Максим! - выдохнула она. - Это невероятно! Как вы угадали про воду?! Я действительно не люблю шампанское, от него в голове пузырьки... то есть, ну, вы поняли! Вы точно психолог!

Я самодовольно усмехнулся. Десять из десяти. Костя там у бара, наверное, уже локти кусает.

- Не психолог, просто умею слушать, - сказал я, делая ещё один выверенный шаг в нашей маленькой партии. - И знаешь, что мне подсказывает интуиция прямо сейчас? Что этот вечер в душном лофте совершенно не заслуживает твоего внимания. Через два квартала отсюда есть маленькая винотека с лучшим сырным пирогом в городе и совершенно нормальной водой без пузырьков. Дай мне сорок минут – и, если тебе станет скучно, я сам вызову тебе такси и оплачу моральный ущерб.

Классика. Лёгкое давление, конкретный лимит времени, безопасный выход и приманка в виде «уютного места рядом». Женщины обожают, когда мужчина берёт решение на себя, но оставляет им иллюзию контроля.

Лиза на мгновение опустила ресницы, перебирая пальцами тонкую ножку бокала.

- Ой, я даже не знаю... - протянула она нерешительно. - Мы же знакомы всего семь минут и сорок секунд. Это вообще прилично - вот так сразу уезжать с незнакомым мужчиной?

Я чуть не рассмеялся от этой милой точности. Семь минут и сорок секунд. Надо же, какая прелесть.

- Прилично - это то, о чём не стыдно вспомнить в старости, - выдал я свою лучшую заготовку, глядя ей прямо в глаза. - А в восемьдесят лет никто не жалеет о том, что сбежал со скучной выставки ради хорошего ужина.

Она подняла на меня глаза. И снова на крошечную, неуловимую долю секунды в её взгляде мелькнуло то странное, абсолютно не наивное, почти хищное любопытство - словно это не я её соблазнял, а она с интересом ставила галочку в невидимом блокноте напротив пункта «эффективность шаблонных комплиментов».

Но уже через мгновение она снова очаровательно хлопала ресницами.

- Вы так красиво говорите, Максим, - вздохнула она с такой искренней, сладкой капитуляцией, что у меня по спине пробежал приятный холодок азарта. - С вами, наверное, вообще невозможно спорить. Ладно, уговорили. Только на сорок минут!

- Договорились, - улыбнулся я, чувствуя себя абсолютным победителем. - Подожди секунду, я только махну другу, чтобы он не подавал меня в розыск.

Я обернулся к бару, поймал взгляд Кости и незаметно показал ему два пальца. Костя закатил глаза, покачал головой и салютовал мне бокалом - мол, старый трюкач, снова уделал всех.

Когда я повернулся обратно к Лизе, она уже стояла в полушаге от меня, держа в руках маленькую чёрную сумочку. Она посмотрела на мою шею - чуть ниже подбородка, туда, где билась сонная артерия, - и тихо, почти шёпотом произнесла:

- Кстати, Максим...

- Да?

- Когда ты только подошёл, у тебя пульс был семьдесят два. А сейчас - девяносто четыре. Наверное, я тебе правда очень нравлюсь, да?

Я замер, моргнув.

- Подожди. Ты сейчас... ты по шее мой пульс посчитала?

Лиза мгновенно спохватилась, прикрыла рот ладошкой и рассмеялась - звонко, легко и чуть смущённо:

- Ой, да я просто пошутила! Ляпнула первые попавшиеся цифры, а ты так серьёзно поверил! Пойдём скорее, а то я ужасно хочу есть.

Она легко взяла меня под руку. Её пальцы снова обожгли меня сквозь тонкую шерсть пиджака - и я, усмехнувшись своей минутной растерянности, повёл её к выходу. «Ляпнула первые попавшиеся цифры». Боже, какая же она очаровательная, трогательная и абсолютно живая.

Я ещё не знал, что ровно через сорок восемь часов буду сидеть на собственной кухне, смотреть на раскалённую чугунную сковородку и с ужасом вспоминать, как гордился своим умением за три секунды отличать настоящее от подделки.